

А.В. Дмитриев*

A.V. Dmitriev*

Тайны российских «революций» XVIII столетия: политические и военные аспекты. – Рец. на кн.: Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, 2019. 757 с.

The Mysteries of 18th Century Russian “Revolutions”: Political and Military Aspects. – Book Review: Kurukin, I.V. (2019). Epokha “Dvorskikh Bur”. Ocherky Politicheskoi Istorii Poslepetrovskoi Rossii (1725–1762 gg.) [The Epoch of “Court Storms”. Essays on the Political History of Post-Petrine Russia (1725–1762)]. St. Petersburg, Nauka. 757 p.

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-18

УДК 9(с)143-144“1725/1762”

Выходные данные для цитирования:

Дмитриев А.В. Тайны российских «революций» XVIII столетия: политические и военные аспекты. – Рец. на кн.: Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, 2019. 757 с. // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 226–231. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-18.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-18

How to cite:

Dmitriev A.V. The Mysteries of 18th Century Russian “Revolutions”: Political and Military Aspects. – Book Review: Kurukin, I.V. (2019). Epokha “Dvorskikh Bur”. Ocherki Politicheskoi Istorii Poslepetrovskoi Rossii (1725–1762 gg.) [The Epoch of “Court Storms”. Essays on the Political History of Post-Petrine Russia (1725–1762)]. St. Petersburg, Nauka. 757 p. // Historical Courier, 2020, No. 2 (10), pp. 226–231. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-18.pdf>

Abstract. The reviewed monograph, published by I.V. Kurukin, presents the author’s concept of the political history of Russia in the 18th century, specifically, the period that was called in historiography “the epoch of palace coups” (1725–1762). The author, using extensive source and bibliographic base, reconstructs in detail the military and political mechanisms, used every time the reigning monarchs replaced each other on the Russian throne during this period. I.V. Kurukin shows that in 1725–1741 the role of the military factor (Royal guard units) in these events increased, and over time the focus of activity shifted from the highest ranks to officers and even soldiers. In the 2nd half of the 18th century another trend can be traced, in which the key characteristics were an appropriate level of conspiracy in the organization of a political plot and the control of its leaders over the activities of officers and soldiers. Along with this, I.V. Kurukin analyzes the dynamics of the personnel composition of the bureaucracy in central state institutions and identifies the principles used by the supreme power for appointments and resignations after each new coup. The reviewed monograph makes a significant contribution to the study of problems of political history of 18th century Russia, identifying features of the evolution and functioning of military and civil administration in the system of imperial governing institutions.

Keywords: palace coups; Russian empire; political history; 18th century.

The article has been received by the editor on 02.03.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Дмитриев Андрей Владимирович**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: khaldeus@academ.org

Dmitriev Andrey V., Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: khaldeus@academ.org

Аннотация. В рецензируемой монографии И.В. Курукина представлена авторская концепция политической истории России XVIII в., конкретно – периода, получившего в историографии название «эпохи дворцовых переворотов» (1725–1762 гг.). Автор, опираясь на обширную источниковую и библиографическую базу, детально реконструирует военные и политические механизмы, использовавшиеся при каждой смене царствующего монарха на российском престоле в рамках указанного периода. В результате, как показывает И.В. Курукин, на протяжении 1725–1741 гг. роль в этих событиях военного фактора в лице подразделений лейб-гвардии нарастала, причем с течением времени фокус активности смещался от высших чинов к офицерам и даже рядовым. Во второй половине XVIII в. прослеживается уже другая тенденция, при которой ключевыми характеристиками становились хороший уровень конспирации при организации политического заговора и контроль его руководителей за деятельностью офицеров и рядовых военнослужащих. Наряду с этим И.В. Курукиным проанализирована динамика кадрового состава бюрократической верхушки центрального государственного аппарата и выявлены те принципы, которыми руководствовалась верховная власть при назначениях на должности и отставках после каждого нового переворота. Рецензируемая монография вносит значительный вклад в изучение проблем политической истории России XVIII в., на конкретном эмпирическом материале устанавливая закономерности эволюции и функционирования центрального аппарата военного и гражданского управления в системе имперских институтов власти.

Ключевые слова: дворцовые перевороты; Российская империя; политическая история; XVIII век.

Период 1725–1762 гг., давно получивший в российской истории наименование «эпохи дворцовых переворотов», до сих пор остается одним из наиболее интересных и наименее изученных в рамках XVIII столетия. Это было время, когда в стране уже утвердилась окончательно сложившаяся при Петре I модель неограниченной монархии, но императорский престол занимали лица, не осуществлявшие сколько-нибудь масштабных преобразований и не выработывавшие собственного государственного курса – вплоть до прихода к власти Екатерины II, чье правление, подобно петровскому царствованию, ознаменовалось глубокими сдвигами во всех сферах жизни России. В этих условиях неизбежно должны были начать действовать какие-либо иные механизмы функционирования верховной власти, в т.ч. и отвечавшие за решение вопросов о том, кому быть правителем страны в те или иные годы. Выявление и научный анализ этих механизмов, изучение персонального состава правящей элиты государства, из рядов которой выходили конкретные люди, направлявшие и определявшие внутривластный курс, представляются безусловно актуальной и важной задачей, решение которой позволит приблизиться к пониманию сущности и закономерностей «властной механики» в Российской империи XVIII в., в т.ч. на уровне текущего повседневного управления.

В этой связи весьма значимым событием прошедшего года стал выход в свет нового издания фундаментальной монографии известнейшего российского историка Игоря Владимировича Курукина, профессора кафедры истории России Средневековья и Нового времени Российского государственного гуманитарного университета (Москва). Первое издание этой работы, появившееся в 2003 г.¹, уже стало библиографической редкостью и не всегда доступно даже специалистам, так что появление нового издания можно приветствовать и только по одной этой причине. Но, кроме того, следует указать, что мы имеем дело не с простым переизданием, воспроизводящим предыдущее, но с текстом, который был существенно переработан и дополнен автором. В частности, обращает на себя внимание раздел главы 6, посвященный герцогу Бирону, в котором содержится значительный объем нового

---

¹ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003.

материала, отсутствующего в первом издании. Были дополнены библиография и научно-справочный аппарат. Поэтому мы вправе рассматривать данную монографию как новое самостоятельное исследование, которому придает солидности также наличие в качестве рецензентов таких специалистов, как А.Б. Каменский и Н.М. Рогожин.

Не совсем обычной для классических монографий выглядит первая глава, посвященная историографии проблемы и кругу источников. Однако в данном случае подобный подход представляется оправданным. Хотя научных публикаций, посвященных рассматриваемому периоду в целом, существует великое множество, но в избранном ракурсе заявленная проблематика в них почти не встречается. Доходит до того, что даже в само понятие «дворцовый переворот» авторами вкладываются различные смысловые значения, а одни и те же политические события могут обозначаться разными терминами. Поэтому можно согласиться с И.В. Курукиным в том отношении, что необходимо разграничение понятий «дворцового» и «государственного» переворота, поскольку в первом случае могла происходить не смена на престоле царствующего монарха, а устранение ключевой фигуры из императорского окружения, смещение того лица, в чьих руках сосредотачивалась реальная политическая власть. Многие из числа современников событий XVIII в. употребляли для их характеристики слово «революция», которым воспользовались и мы в данном случае, однако интересно отметить, что для современников оно имело своего рода «запрещенный» статус и не вошло в словари русского языка.

Отдельно также следует остановиться на источниковой базе работы. В ней по существу в равных пропорциях представлены как документальные, так и нарративные источники. Причем именно последние активно используются И.В. Курукиным при выявлении целей, мотивов и способов действий отдельных лиц и конкретных фигур, что может вызвать вопрос о степени достоверности полученных выводов, поскольку высокая степень субъективности нарративных источников зачастую не располагает историков доверять их содержанию. Однако автор настолько досконально анализирует изложение хода событий теми или иными лицами, выявляя даже те источники информации, которыми пользовались последние, что это позволяет дать максимально полную реконструкцию важнейших политических процессов, таких как, например, возведение на престол Екатерины I в конце января 1725 г. или принятие самодержавной власти Анной Иоанновной в феврале 1730 г. При исследовании событий этих дней автором привлечено, помимо документальных источников, до десятка свидетельств различных лиц, как русских, так и иностранцев.

Несомненным достоинством монографии следует признать то, что И.В. Курукин уделил самое пристальное внимание не только непосредственно «военным механизмам» осуществлявшихся переворотов (назначения на командные и офицерские должности в гвардейских полках до и после смены власти, действия конкретных офицеров в ходе событий), но и их «политическому обеспечению». На всем протяжении изучаемого периода им детально прослежена динамика изменений кадрового состава лиц, занимавших ключевые посты в аппарате центрального управления (члены Сената, президенты коллегий и др.), а также назначений и отставок в губернаторском корпусе империи. Эти данные наглядно показывают, каким образом царствующие монархи после прихода к власти путем переворота старались обеспечить себе надежную политическую опору, и что ожидало тех из них, кто не были озабочены подобной проблемой, – «Брауншвейгское семейство» (родители младенца-императора Ивана Антоновича) в 1741 г., Петра III в 1762 г. Здесь мнение автора во многом смыкается с концепцией И.В. Волковой о «патронажно-клиентарных образованиях»², являвшихся одной из главных движущих сил при осуществлении большинства переворотов, хотя проследить до конца механизм формирования и функционирования таких образований состояние источниковой базы позволяет не всегда.

Чрезвычайно интересной и принципиально новой выглядит в трактовке И.В. Курукина роль в государственной жизни страны герцога Курляндского Э.-И. Бирона на протяжении 1730-х гг. Вопреки распространённому до сих пор мнению об исключительно негативном

² Волкова И.В. Русская армия в русской истории. М., 2005. С. 368–379.

влиянии этого человека на политику Анны Иоанновны, по-прежнему встречающемуся даже в школьных и вузовских учебниках, автор на основе большого массива документальных материалов наглядно показывает, что аннинский фаворит по сути выполнял «функции личной императорской канцелярии, что позволяло разгрузить Анну от потока ежедневной корреспонденции», и в результате «курляндский охотник и картежник через несколько лет “знал вполне основательно все, что касалось до этого государства”»³. На ряде примеров И.В. Курукин показывает, как строилась на практике «невидная и неслышная работа фаворита: решить, чьей просьбе дать ход, какую бумагу “умедлить”, а какую – отправить по инстанциям в официальном порядке», причем специально отмечает, что «Бирон не желал подменять собой высшие органы власти и был в этом отношении достаточно щепетилен»⁴. Таким образом, фигура герцога Курляндского может рассматриваться скорее как специфический тип государственного деятеля, нежели как корыстного временщика, озабоченного исключительно личными выгодами. Вполне можно согласиться с авторским выводом: «Пока Бирон действовал исключительно “в службе ее величества” и соблюдал правила игры, он оставался непотопляемым. Но когда после десятилетнего фавора он попытался стать самостоятельной фигурой, да еще и регентом империи, крушение не замедлило себя ждать»⁵.

Столь же убедительно опровергнута И.В. Курукиным и легенда о борьбе с «немецким засильем» в правящей элите страны после прихода к власти Елизаветы Петровны. Уже к концу первого десятилетия ее царствования (по данным на 1748 г.) доля лиц нерусского происхождения на командных должностях в армии выглядела следующим образом: «Два из пяти генерал-аншефов, четверо из девяти генерал-лейтенантов, 11 из 31 генерал-майора... 12 из 24 драгунских и 20 из 25 пехотных полковников»⁶. Приведенные данные наглядно свидетельствуют, что ни о какой дискриминации «немцев» на военной службе в правление дочери Петра I не может быть и речи. К аналогичному выводу пришел в свое время и автор этих строк, исследуя материалы по личному составу армейских частей, дислоцированных в Сибири⁷. Еще одним интересным сюжетом показалось нам изучение структуры доходных и расходных статей государственного бюджета империи в правление Анны Иоанновны в разделе под характерным названием «Как в финансовых делах русские “немцев” посрамили». Современные исследователи уже обратили внимание на вопиющую неэффективность финансового управления в послепетровскую эпоху⁸, однако И.В. Курукин приходит к заключению, что здесь имел место настоящий саботаж любых инициатив высших государственных органов по наведению порядка со стороны подчиненных им учреждений и чиновников. Поневоле можно согласиться с автором в заданном им риторическом вопросе: «Может быть, для наведения порядка надо было импортировать больше немецких чиновников?»⁹.

Достаточно убедительной представляется сформулированная И.В. Курукиным концепция эволюции роли военного фактора (прежде всего, гвардии) в подготовке и осуществлении политических переворотов. Как утверждает автор, «российское “переворотство” начиналось

³ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб., 2019. С. 251. Автор цитирует здесь отзыв Х.-Г. Манштейна, в ту пору адъютанта фельд-маршала Б.-Х. Миниха, следовательно, настроенного скорее враждебно к политическому конкуренту своего непосредственного начальника.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Там же. С. 264, 265.

⁶ Там же. С. 405.

⁷ Дмитриев А.В. Иностранцы офицеры на службе в полевых и гарнизонных войсках на территории Сибири (середина XVIII в.) // *Aus Sibirien* – 2009: науч.-инф. сб. Тюмень, 2009. С. 50–52.

⁸ См., напр.: Корчмина Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х гг. // *Российская история*. 2013. № 5. С. 77–91.

⁹ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб., 2019. С. 301. Показателен в этом смысле приведенный автором чуть выше пример: «Опытный начальник Штатс-конторы Карл Принценстерн, несмотря на “наихудшие” указы и выговоры, возглавлял ведомство с петровских времен до своей смерти в 1741 г. – вероятно, как раз потому, что был способен ориентироваться в дебрях ведомственных касс и “доставать” необходимые суммы» (Там же. С. 294).

с открытого столкновения “партий” (придворных группировок. – А.Д.), прошло через этап активного участия гвардейских солдат в подготовке и проведении свержения императора в 1741 г. и завершилось заговором вельмож и гвардейских офицеров при минимальном участии рядовых в 1762 г.»¹⁰. Действительно, как показано в соответствующих главах, в 1725 г. Екатерину I привели к власти фактически командиры полков лейб-гвардии, поддержавшие светлейшего князя А.Д. Меншикова и других сановников, заинтересованных в переходе трона к вдове Петра I, а уже в 1730 г. Анну Иоанновну сделали самодержавной императрицей гвардейские обер-офицеры (капитаны, поручики, прапорщики), выступившие против собственных начальников, «увязших» в обсуждении политических проектов. переворот 1741 г., когда Елизавету Петровну возвели на престол рядовые гренадеры всего лишь одной роты Преображенского полка, привел к тому, что солдаты сделали на некоторое время едва ли не хозяевами положения в столице, а это никак не могло устраивать все без исключения группировки в составе правящей элиты: «Отныне даже самые острые противоречия в “верхах” больше не разрешались путем непосредственного обращения к “солдатству”»¹¹.

Переворот 1762 г. был произведен уже по иному «рецепту»: главной движущей силой снова сделали гвардейские офицеры, а составленный для его осуществления заговор был хорошо законспирированным, хотя в него был вовлечен ряд весьма влиятельных фигур при дворе Петра III. Та же модель, как мы знаем, была применена и в 1801 г. Таким образом, есть основания согласиться с выводом И.В. Курукина о том, что степень активного участия военнослужащих лейб-гвардии демонстрировала нарастающую динамику до 1741 г. включительно, а после этого рубежа стала уменьшаться. Однако при этом набирал силу процесс делегитимации самой фигуры носителя верховной власти в сознании подданных, если до 1741 г. результатом переворота ни разу не становилось свержение монарха, то «в 1741 г. солдаты впервые свергли с престола одного законного императора (младенца Ивана Антоновича. – А.Д.), а в 1762 г. заговорщики совершили убийство другого»¹². Более того, именно эти перевороты породили ряд неудачных попыток (И.В. Курукин называет их «подражаниями снизу») отдельных лиц устроить перевороты в пользу свергнутого императора Ивана III¹³. А в правление Екатерины II периодически возникали идеи об отстранении императрицы от власти и переходе престола к великому князю Павлу Петровичу. Такова была цена, которую пришлось заплатить правящим кругам империи на протяжении XVIII в. за поиски и выработку реальных практических механизмов смены власти в условиях отсутствия каких бы то ни было легальных, санкционированных законом способов политической деятельности в России, путей воздействия на верховную власть со стороны ее собственных подданных.

Отдельную и самостоятельную ценность имеют таблицы и диаграммы, помещенные в приложение (также расширенные в сравнении с изданием 2003 г.). Персональный состав лиц, занимавших высшие должности в аппарате центрального управления, а также на уровне губерний, динамика их назначений и смещений на всем протяжении рассматриваемого периода – без этих данных не может обойтись ни один специалист, занимающийся изучением политической истории Российской империи XVIII в. Наконец, о колоссальном объеме проделанной работы свидетельствует библиография: более 500 ед. хр. из состава 75 фондов шести архивохранилищ, две сотни публикаций источников и почти 800 монографий, статей и справочных изданий – все это безусловно доказывает компетентность автора в избранной им научной проблематике.

Монография И.В. Курукина, на наш взгляд, занимает достойное место в ряду исследований, посвященных «долгому» XVIII в. в российской истории. Тщательность анализа эмпи-

¹⁰ Там же. С. 509, 510. Заметим в скобках, что и переворот 1801 г., приведший к свержению и убийству Павла I, логично вписывается в эту схему.

¹¹ Там же. С. 421.

¹² Там же. С. 510.

¹³ В учебной и справочной литературе Иван Антонович называется императором Иваном VI. Однако официально он титуловался именно Иоанном III, поскольку в XVIII в. порядковая нумерация отсчитывалась только для носителей царского титула, т.е. Иван IV Грозный именовался Иоанном I, а Иван V, рано умерший брат Петра I и отец императрицы Анны – Иоанном II.

рического материала, обоснованность выводов, хороший язык и литературный стиль, свойственные ей, – все это позволяет нам дать труду Игоря Владимировича самую высокую оценку и рекомендовать его для ознакомления широкому кругу читателей.

Литература

Волкова И.В. Русская армия в русской истории. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 640 с.

Дмитриев А.В. Иностранцы офицеры на службе в полевых и гарнизонных войсках на территории Сибири (середина XVIII в.) // *Aus Sibirien – 2009: науч.-инф. сб.* Тюмень, 2009. С. 50–52.

Корчмина Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х гг. // *Российская история.* 2013. № 5. С. 77–91.

Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: П.А. Трибунский, 2003. 570 с.

Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, 2019. 757 с.

References

Dmitriev, A.V. (2009). Inostrannye ofitsery na sluzhbe v polevykh i garnizonnykh voiskakh na territorii Sibiri (seredina XVIII veka) [Foreign Officers Serving in Field and Garrison Units of Siberia in the Middle of the 18th Century]. In *Aus Sibirien – 2009: nauchno-informatsionnyi sbornik*. Tyumen, Izdatel'sko-Poligraficheskii Tsentr "Ekspress", pp. 50–52.

Korchmina, E.S. (2013). "Mnogie milliony gosudarstvennoi kazny v neizvestnosti nakhodyatsya": nedoimki po podushnoi podati v 1720–1760-kh godakh ["A Few Millions of State Treasury Gone Into the Shadow": Arrears of Poll Tax in 1720s – 1760s]. In *Rossiiskaya Istoriya*. No. 5, pp. 77–91.

Kurukin, I.V. (2003). *Epokha "dvorskikh bur": Ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoy Rossii, 1725–1762 gg.* [The Epoch of "Court Storms": Essays on the Political History of Post-Petrine Russia, 1725–1762]. Ryazan, P.A. Tribunsky. 570 p.

Kurukin, I.V. (2019). *Epokha "dvorskikh bur". Ocherki politicheskoy istorii poslepetrovskoi Rossii (1725–1762 gg.)* [The Epoch of "Court Storms". Essays on the Political History of Post-Petrine Russia (1725–1762)]. St. Petersburg, Nauka. 757 p.

Volkova, I.V. (2005). *Russkaya armiya v russkoi istorii* [Russian Army in Russian History]. Moscow, Yauza, Eksmo. 640 p.

Статья поступила в редакцию 02.03.2020 г.